

ЕФИМ ШИФРИН:

«СЕГОДНЯ НЕ НУЖНЫ НИ РАЙКИНЫ, НИ ШОСТАКОВИЧИ»

Сатириков или комиков принято считать людьми не очень серьезными. Ефим Шифрин опровергает этот стереотип. Он не только разнообразен в своих творческих (очень серьезных!) проявлениях, но и интересен как умный, независимо мыслящий человек.

Изюминка Ефима Шифрина в том, что даже самые смешные миниатюры в его исполнении приобретают оттенок безысходной печали. Он любит «грузить» комические ситуации или забавные тексты философской глубиной. Зрители приходят на его концерты, как в театр.

— Ефим, вы уже зарекомендовали себя как человек самых разносторонних профессий. Вы и эстрадный артист, и певец, вы пишете книги, а сейчас еще и пробуете себя в цирке. Зачем вам все это? Может быть, лучше было бы сосредоточиться на чем-то одном?

— Я, конечно же, не для галочки пробую себя в разных жанрах. Все эти метания и поиски происходят от одной-единственной причины — ожидания роли. Любым артистом, чтобы он ни говорил, руководит одно желание — стать другим. В эту профессию и идут только те люди, у кого есть это желание. Вот и все. Для меня лично существуют помост и публика. Любая ситуация, где есть место для выступления и зритель, становится возможностью попробовать себя в какой-то роли. В цирке, когда я делаю, например, акробатические трюки, я играю роль циркового акробата. А поскольку каждому из участников этого проекта надо попробовать себя в шести разных жанрах, то у меня есть возможность сыграть целых шесть ролей. Это все равно, что сняться в шести фильмах.

— Не поздно ли вам учиться на циркового артиста, каким мы теперь знаем вас в телепроекте «Цирк со звездами»?

— Можно в любом возрасте освоить новую специальность. Я знаю немало людей, которые научились играть на фортепиано в зрелом возрасте. А меня, ребенка, не лишено музыкального слуха и выросшего в музыкальной семье, заставляли заниматься музыкой всеми правдами и неправдами, и в результате я бросил музыкальную школу. То, что делается по собственному желанию, всегда получается замечательно.

— Но ведь человек, научившийся играть на пианино в 50 лет, обречен играть только для своих близких, друзей, для очень узкой аудитории. А вы ведь стремитесь к абсолютному!

— Я же не неизвестный актер Красноярского ТЮЗа. Меня, смею надеяться, за 30 лет успели узнать в лицо. Поэтому, когда я показываю совсем не слабые трюки на трапеции или элементы дрессуры, мне за это совсем не стыдно.

— Кстати, среди большинства собратьев по юмористическому цеху вы выглядите настоящим качком.

— Я против того, чтобы мои спортивные увлечения считали чем-то вроде моей второй профессии. Когда произносится слово «бодибилдер», возникает образ человека, который накачал свои мускулы до фантастических размеров. Я занимаюсь этим 15 лет, но у меня никогда не было желания сняться обнаженным на обложку мужского глянцевого журнала, это точно. Да и заниматься я начал случайно. В ЦКЗ «Россия»

работал один очень спортивного вида звукорежиссер. Он мне однажды сказал: «Приходи к нам завтра в тренажерный зал и будь такой, как я». Я пришел через три дня. Не думал, что втянусь. Клуб затягивает тем, что там своя особая атмосфера. Позанимаешься, сходишь в бассейн, попаришься, побегашь на дорожке и вдруг понимаешь: что-то в тебе меняется. Исчезают комплексы, страхи.

— Комплексы по поводу своей хлипкой внешности?

— Ну да. Вряд ли человек во всех смыслах гармоничный и хорошего телосложения может быть смешным. Юмористика, как правило, выбирают люди чуть-чуть «неправильные». Вспомните комиков мирового экрана, и вы не найдете среди них ни одного красавца. За исключением, может, Бастера Китона, который, во всяком случае, не так ужасно некрасив.

— Что происходит на нашей эстраде? Отчего такое засилье плоских шуток, безликих образов?

— Обыкателю не нужен Шостакович — тогда чем его занять? Почему надо отмахиваться от массового зрителя?

— «дайте мне справку о том, что мне нужна справка» новое поколение не находит ничего смешного. И они не думают, что Райкин — человек с тысячей лиц. Для них человек с тысячей лиц — это, скорее, Нагиев.

— Но, согласитесь, юмор «Аншлага» просто вреден для здоровья!

— Недавно один журналист решил подвергнуть себя, по его выражению, «испытанию» и пошел на концерт Петросяна и Степаненко. Он думал, что наконец разоблачит фокус телевизионщиков, которые, как он был уверен, монтируют смех и номера. Но на концерте с ужасом и удивлением убедился, что никакого монтажа нет. В зале люди рыдали от смеха, вынимали из сумочек платки, и жены били по коленям мужей. У каждого соци-

ловека и его деградацией. А юмор не тригонометрическая функция, которую надо осваивать ценой умственных усилий. Вообще настоящий интеллект обладает неким сопроматом, его «материал» способен сопротивляться нешуточным нагрузкам. Еще в нем

есть какая-то закуска, заставляющая его ко всему относиться философски. Я много раз оказывался во враждебных средах. И в тюрьме был...

— Это как же вас угораздило?

— Мы там снимали клип. Тюремный запах, первая крыса, увиденная в камере, еда, которой меня угостили... Я не знаю у кого как, но у меня мгновенно заработал актерский инстинкт, включилось профессиональное любопытство: кто что сказал, как посмотрел, почему тут царит такая грубость. Воевать со средой бесполезно. Главное — выдержать ее сопротивление. Например, мой отец, тоже попавший туда ни за что, как он мог что-то там изменить? Да, зона развилась в моем отце жуткую подозрительность, которой он страдал до конца своих дней, но никаких радикальных изменений в нем не произошло. Он только закалился и научился ко всему относиться философски. Я знаю, что мое поколение в тысячу раз трагичнее восприняло дефолт 1998 года, девальвацию, перестройку. А вот для поколения моего отца ничего страшного не произошло: мол, коли так, значит, надо быстро идти в магазин и покупать круп, мыло. Для нас же, детей застоя, все, что случилось

после 1985 года, казалось чуть ли не землетрясением.

— В новом фильме Андрея Кончаловского «Глянец», который вскоре выйдет на экраны, вы уже в радикально другой среде. Мир гламура, и вы играете некоего модельера. Ваш персонаж — вылитый Пьер Лагерфельд. Почему вы списали образ именно с него?

— Потому что он больше всех похож на наших модельеров.

— Что вам вообще нравится в гламурной жизни и что вызывает неприязнь?

— Ничего не нравится, я гламур вообще не понимаю. Даже запах глянцевого журнала меня раздражает, не могу их видеть. Такое впечатление, что там на каждой странице есть водяные знаки, которые можно увидеть только на просвет, и там будет написано слово «купи». И больше там ничего нет.

— Но играли «Лагерфельда» с удовольствием или с отвращением?

— Играл с радостью. Мой герой — совершенно манерное и абсолютно зависимое создание, похожий на всех стилистов и дизайнеров, его прототип — все сразу. Человек из своей среды, увешанный десятком серебряных колец, с косичкой, в тесном смокинге, придумавший свою манеру говорить, двигаться. Так обычно ведут себя люди, которые уверены, что каждую минуту на них нацелены сотни телекамер.

— Что интересного случилось на съемках?

— Андрей Кончаловский очень изобретательно придумал сцену показа мод, которая вошла в фильм. Он пошел на хитрость — пригласил всю московскую богему якобы на презентацию своего фильма, и у них уже не было шансов отвертеться. А когда они поняли, что стали заложниками съемок ключевого эпизода, то было поздно. Андрею было очень важно, чтобы в первых рядах во время показа, который устраивает мой герой, сидели самые одиозные московские фигуры.

— Вы хорошо знаете «людей гламура». На ваш взгляд, на что они готовы, чтобы попасть на эту самую обложку или в «ящик»?

— Да на все. К сожалению, наш мир слишком далек от того, что прочитал Моисей на скрижалих. Как правило, люди, которые переступали через себя, думая, что так надо для карьеры, в результате ничего не получили. Я ни разу не был свидетелем всенародной любви к аморальным людям, которые даже и задержались на эстраде в силу какого-то печального недоразумения. У моего поколения не было такой зависимости от саморекламы, в наше время не все решалось за деньги.

— А все-таки какую роль в вашей сегодняшней творческой жизни играют деньги? Вы дорогой артист?

— Я стою ровно столько, сколько за меня платят. Поэтому, когда я слышу, что такой-то — самый дорогой артист, и при этом называются астрономические суммы, я всегда спрашиваю: откуда такие деньги берутся? Если имеются в виду суммы, которые некоторым актерам платят за участие в корпоративных вечеринках, то они никакого отношения к обычным их гонорарам не имеют. Ведь можно легко посчитать, сколько мест в зале, сколько стоит билет, авиаперелет, проживание в гостинице, наружная реклама. Сложите все это и вы увидите, что цифры в таблицах — полная чушь.

По материалам
информгентств.

Ефим Шифрин
родился 25 марта 1956 года. В 1973 году поступил на филфак Рижского университета. Но через год пришел в эстрадно-цирковое училище в Москве на курс Романа Виктюка. В 1978 — 1988 г. работал в Москонцерте, выступая с миниатюрами Жванецкого, Альтова, Коклюшкина. В 1985 году окончил ГИТИС по специальности «режиссура эстрады». В 1985 году состоялась премьера первого сольного спектакля Ефима Шифрина «Я хотел бы сказать» по произведениям Виктора Коклюшкина. В 1990 году создал «Шифрин-театр». С 1996-го играет в спектаклях Виктюка: «Я тебя больше не знаю, милый!», «Любовь с придурком», «Путаны». Лауреат Московского конкурса артистов эстрады (1979), Всероссийского конкурса артистов эстрады (1983), премии «Золотой Остап» (1992). В кино снялся в сериале «Герой нашего племени» (2003) и в фильме Андрея Кончаловского «Глянец» (2006).

— Вы думаете, Аркадий Райкин сейчас был бы неинтересен?

— Насчет Райкина не знаю. Ему удалось удачно вписаться в контекст своего времени. Но я не уверен, что уже на моих племянников его юмор производит впечатление. Для них он всего лишь какой-то дедушка, говорящий с еврейским акцентом. Они не понимают, в чем фишка. Им нравится юмор, который появился 5 — 7 лет назад с приходом новой волны юмористов. Их стихия — абстрактный, парадоксальный юмор, не обличительный, не разговорный, не советский — вот что больше всего нравится молодежи. Что-то вроде Гальцева. Или то лучшее, что открыл Полунин. А вот в этих длинных обличительных монологах ти-

ального круга свои кумиры. И каждый человек, который попадает в чуждую ему среду, воспринимает ее как дурдом. Например, здоровый человек заходит в психбольницу или «чайник» оказывается на шахматном турнире. У любых «Аншлаггов» и «Кривых зеркал» есть своя плотно забитая ниша. При чем, на мой взгляд, эти передачи никакого вреда аудитории не приносят. Мне кажется, это большое заблуждение интеллектуалов.

— Вы хотите сказать, что Евгений Ваганович даже где-то повышает наш IQ? И никакого «оглупления народных масс» не происходит?

— Говорить о каком-то оглуплении можно в том случае, когда есть выбор между развитием че-